

УДК 330.101

Нехода Евгения Владимировна

доктор экономических наук,
профессор кафедры системного менеджмента
и экономики предпринимательства
Национального исследовательского
Томского государственного университета
dom-hors@mail.ru

**СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
И ТЕХНОЛОГИЙ [1]**

Аннотация:

Данная статья посвящена анализу состояния экономической науки, необходимости проведения междисциплинарных исследований и использования новых социальных технологий. Выделяются положения экономической науки, требующие переосмысления, аргументируется взаимосвязь социальных и экономических функций бизнеса через характеристику современной бизнес-деятельности.

Ключевые слова:

кризис социальных наук, методология экономической науки, корпоративная социальная ответственность, социальная политика, корпоративная социальная политика, социальные технологии.

Nekhoda Evgeniya Vladimirovna

D.Phil. in Economics, Professor,
Department of System Management
and Business Economy
Tomsk State National Research University
dom-hors@mail.ru

**CURRENT STATE OF
THE ECONOMIC SCIENCE
AND PREREQUISITES
FOR DEVELOPMENT OF SOCIAL
CONCEPTS AND TECHNOLOGIES [1]**

Summary:

This article analyzes current state of the economic science, assesses the need for interdisciplinary researches and application of the new social technologies. The author states propositions of the economics which require reconsideration, and gives reasons for interconnection between social and economic functions of business by description of the modern business activities.

Keywords:

crisis of social sciences, methodology of economics, corporate social responsibility, social policy, corporate social policy, social technologies.

В последние несколько лет на страницах научных журналов развернулась дискуссия о кризисе социальных наук и необходимости поиска новых методологических подходов к исследованию большинства феноменов и проблем, с которыми столкнулись общество, государства, бизнес, индивид на рубеже XX–XXI вв. Российские и зарубежные ученые указывают на актуальность новых методологических подходов в экономической науке, определение общего вектора (контекста) ее развития; обращение к междисциплинарным исследованиям, выдвижение новых гипотез, идей, концепций, технологий. Так, Татьяна Заславская в своей статье, посвященной обзору книги М.А. Шабановой «Социоэкономика», отмечает: «...автор (М.А. Шабанова – прим. автора) видит задачу социоэкономики в интеграции экономики и других социальных наук на базе, прежде всего, экономического подхода, но с учетом возможного вклада других общественных наук. Это могло бы содействовать формированию нового научного знания, позволяющего своевременно отвечать на вызовы практики и повышать эффективность управленческих решений» [2, с. 145].

Среди широкого спектра работ в этом направлении выделяются исследования Е. Балацкого, Е. Гонтмахера, В. Полтеровича, Н. Волгина, Т. Заславской, Р. Гринберга, Г. Клейнера, Д. Петросяна, М. Шабановой, О. Канаевой; Дж. Стиглица, П. Друкера, Ф. Фукуямы, Р. Акоффа и многих других.

Основная дискуссия разворачивается вокруг объективной необходимости смены парадигмы общественного развития, целевых установок бизнеса, выполнения им социальных ролей и функций; выдвижением положения о возрастании значимости социальной среды в жизни человека, организации, национальной экономики и необходимости дополнения экономических параметров эффективности показателями социального развития и субъективными показателями восприятия человеком его среды обитания (трудовая жизнь и организация, семейные ценности, природная среда).

Следует признать, что современная экономическая наука «топчется» на месте, используя сложившуюся десятилетиями методологию, инструментарий, показатели, не позволяющие на более высоких – теоретическом и практическом – уровнях решать социальные проблемы современности, продолжая опираться в своих исследованиях на модель «экономического человека».

Большинство же исследователей признают положение о том, что «социальный ресурс – это первичный, задающий ресурс развития экономики и общества, а не второстепенный элемент» (Н. Волгин). Публикации последних лет оперируют терминами «социализация экономики» [3, с. 15; 4, с. 45], «социализация труда» [5, с. 30–31], «социализация капитала» [6, с. 22–23], указывают на кризис наемного труда и необходимость вовлечения работников не только в процесс принятия решений (концепция партисипативного управления), но и в социальный контекст отношений.

Более того, методология «мейнстрима» (доминирующее течение экономической мысли) и вместе с ней модель «экономического человека» оказались совершенно неспособными в объяснении многообразия форм и систем хозяйствования, наличия исторических альтернатив, влияния социокультурных факторов, однобоко трактуя многие социальные феномены (например, человеческий капитал) и проблемы. Связанно это в том числе и с тем обстоятельством, что сама социально-экономическая система существенно изменилась, то есть сам объект исследования, экономика и трудовая деятельность, бизнес все больше усложняются и ускоряются. Как совершенно справедливо отмечает А. Сидорович, следствием такого усложнения является многообразие национальных моделей и типов хозяйственных систем, что выразилось в «увеличении числа направлений, школ и подходов к изучению экономики» [7, с. 40].

В столице Аргентины Буэнос-Айресе с 31 июля по 4 августа 2012 г. состоялся Второй форум Международной социологической ассоциации (МСА, ISA). «Главным внутренним содержанием дискуссии было противоречие между американско-европоцентричным и самобытным (“аборигенным”), поддерживаемым социологами других стран (не входящих в “золотой миллиард”) пониманием социальной справедливости и демократии» [8, с. 142]. Лариса Вдовиченко также указывает на необходимость расширения междисциплинарных исследований, усиление внимания к экономической социологии (общий взгляд экономики и социологии труда на социально-экономические проблемы), особенно в связи с возрастанием негативных последствий и явлений в условиях транснационализации производства и усиления культурных противоречий.

Получившая в последнее время теоретическое осмысление и практическое признание концепция корпоративной социальной ответственности (далее – КСО), по-нашему мнению, все-таки является внешне навязанной нормой. Для большинства как зарубежных, так и российских компаний она пока не стала внутренней потребностью и общей ценностью. Ее реализация по-прежнему связывается с максимизацией полезности и теми ограничениями (вынужденными издержками), которые накладываются на деятельность компании внутренними и внешними держателями интересов (давление со стороны государства, общественных организаций, давление потребителей, конкуренция за квалифицированных работников), и внешними инструментами признания (конкурсы, рейтинги и т.п.). Директор Агентства Социальные инвестиции Сергей Туркин подчеркивает, что в основе и НМА (Конкурентные Нематериальные Активы – инновации, репутация, бренд, знания, партнерские сети, возможности коммуникаций, лидерство), и КСО лежат отношения со стейкхолдерами, то есть навязанные извне принципы и технологии.

Не удовлетворяет вызовам XXI в. (долговые кризисы, усиление дифференциации доходов, проблемы эффективной занятости, экологические и техногенные катастрофы; виртуализация рынков и рабочих мест, приводящие к социальной изоляции и разрыву социальных связей, негативное влияние ИКТ на психическое и социальное самочувствие человека) и доминирующая более 20 лет концепция устойчивого развития, и используемый для страновых сопоставлений Индекс развития человеческого потенциала (далее – ИРЧП). В частности, Д. Бобров отмечает, ссылаясь, в свою очередь, на исследования В. Петрова [9] и Б. Юдина [10]: «Недостаточность составляющих ИРЧП и необходимость измерения, помимо предложенных, духовного (эстетического, художественного, социально-нравственного и другого) потенциала; необходимость уделять внимание проблеме защиты и гарантии прав человека, применение более широкой оценки человеческого потенциала в современной России» [11].

В одной из своих последних публикаций Е. Балацкий исследует «закономерности и парадоксы социальной эволюции» [12]. Автор, показывая усложнение общества, социальных преобразований и институтов, аргументирует разрыв частных и общих знаний, делает вывод о деградации отдельных людей, об увеличивающемся разрыве и антагонизме между экономикой и духовностью. Частные, специальные знания являются объектом купли-продажи, имеют рыночную ценность и капитализируются, что «играет решающую роль в формировании у индивидуумов стимулов к их приобретению. <...> В отношении общих знаний ситуация иная. Сами по себе они никому не нужны, а потому их нельзя продать. Но они используются для упорядочивания накопленных частных знаний и формирования институтов. Без таких периодических институциональных реформ социальная эволюция (а, значит, функционирование общества, государства, бизнеса, человека – *прим. автора*) становится неэффективной и сопровождается ростом трансакционных издержек» [13, с. 141].

Данный анализ и ссылки на авторитетные исследования можно продолжить. Однако ясно одно – современная экономическая наука нуждается в переосмыслении собственной теории и методологии. Более того, отсутствие или недостаток таковой затрудняют исследования современных социальных концепций и технологий, к которым относятся и корпоративная социальная ответственность, и корпоративная социальная политика, и социализация бизнеса и выполнение последним новых социальных ролей и функций.

Итак, выделим основные устоявшиеся положения экономической науки, затрудняющие эффективное использование новых социальных технологий и институтов.

Во-первых, доминирование модели «экономического человека». «Экономический человек» – это, прежде всего, рациональный индивид, имеющий стабильные универсальные (стандартные) предпочтения, стремящийся к максимизации собственной выгоды, свободы выбора и количественной оценки альтернатив на основе критерия оптимальности (классическое соотношение «затраты-выгоды»). Индивид, «человек экономический», не только ориентируется на выгоду, но и оптимизирует свое поведение и хозяйственную деятельность по критерию максимизации полезности.

Во-вторых, экономическая теория исходит из эмпирической сложности исследования экономического поведения и базовых экономических категорий (ограниченность ресурсов, издержки, интересы, выбор, предпочтения) и влияния на них множества факторов. В целях «чистоты» анализа политические, социальные, культурные, правовые факторы исключаются из рассмотрения. Несмотря на попытки экономической науки ввести в теорию «человека социального» и заставить его действовать в рамках оптимизационных моделей (А. Маршалл) или использовать психологические подходы (например, склонность людей к сбережениям у Дж. Кейнса), принцип экономического индивидуализма остается базовым, модель экономического поведения человека и характеристика его как человека рационального признаются универсальными. Для анализа экономического поведения используются 4 основополагающих принципа: 1) принцип личной выгоды; 2) принцип полезности; 3) принцип минимизации издержек; 4) принцип максимизации выгоды.

В-третьих, как следствие, пренебрежение субъективными оценками людей в процессе принятия решений и недооценка в связи с этим междисциплинарных исследований. Согласно же новой экономической социологии, экономические отношения между людьми и организациями не существуют в абстрактной идеализированной модели рынка (как это представляет «мейнстрим»), а преломляются через социальные сети, социальную структуру. Марк Грановеттер подчеркивает, что на рынке труда присутствуют как экономическая, так и неэкономическая мотивация. В процессе поиска работы люди ищут «общения, одобрения, статусного признания и власти» [14, с. 50].

Понятие «социальной сети» ввел в 1954 г. британский социолог Дж. Барнс. Она (социальная структура) включает группу узлов, которыми являются социальные объекты (люди и организации) и связи между ними (социальные взаимоотношения). Экономическое поведение в данном контексте рассматривается как частный случай социального. Сам Грановеттер отмечает, что экономическая деятельность скорее контролируется группами людей, чем осуществляется изолированными индивидами. Классическим социологическим утверждением (положением) является укорененность (embeddedness) экономических и социально-ориентированных целях и структурах [15; 16; 17; 18]. Новая экономическая социология, по мнению Грановеттера, «будет стремиться к пониманию того, как современная экономическая наука может быть объединена с подходом социального конструирования институтов и какое должно быть при этом разделение между социологией и экономикой» [19].

Также следует отметить, что до сих пор не утихает полемика о том, чьей предметной областью являются традиционные и новые социальные технологии (например, корпоративная социальная политика) – экономики, социологии, социальной экономики, экономической социологии.

В-четвертых, игнорирование возрастания значимости человека в жизни современного общества, предприятия (организации в более широком смысле слова). Однако практика подтверждает, что производство новых видов продукции и услуг сегодня требует не стандартных решений, а, часто, иррациональных. Все это также предполагает применение и развитие социальных технологий, расширение социальных связей и отношений как между самими работниками, так и между работниками и работодателями, партнерами. В этой связи сегодня повышаются и нефинансовые (социальные, прежде всего) риски, которыми компаниям также нужно научиться управлять. В своем исследовании О. Канаева указывает, что «новая идеология социальной политики формируется под влиянием концепции устойчивого развития, общих социальных ценностей, повышения значимости качественных параметров жизни и усилением социальной независимости человека как от государства, так и от рыночных структур, повышением его устойчивости в условиях быстроменяющейся социально-экономической ситуации» [20].

В-пятых, традиционно в экономической науке «провалы рынка» компенсирует государство, которое является основным субъектом социальной политики. О. Канаева в цитируемом выше исследовании отмечает, что традиционно выделяют 3 уровня реализации социальной политики: федеральный, региональный, муниципальный. Между тем, в настоящее время усиливается ответственность компаний и человека (личная ответственность) за решение социальных проблем, усиливается принцип солидарной ответственности государства, организации и самого человека [21]. «Реализация указанного принципа предполагает рассмотрение социальной политики как системы, включающей в себя такие элементы или виды социальной политики, как социальная политика государства (федеральный, региональный и муниципальный уровни), социальная политика организаций и компаний (корпоративная социальная политика)...», повышение заботы и внимания человека к собственному социальному благополучию [22].

В-шестых, социальная политика как на уровне государства, так и на уровне компаний мыслится стереотипами советских времен. Содержание и общая концепция социальной политики не меняются на протяжении десятилетий.

В настоящее время лишь 5 % российских компаний управляют затратами на социальные нужды (при этом речь, как правило, не идет о целенаправленной социальной политике). Если прямыми затратами на персонал (фонд оплаты труда, расходы на подбор и обучение сотрудников, аттестацию и т.п.) большинство организаций стараются управлять, то расходы на «социалку» воспринимаются как неизбежные и неуправляемые потери. При этом само определение понимается и трактуется утрированно. «Связано это с тем, что в настоящее время социальная политика в России мыслится стереотипами, и вместо прицельных усилий, направленных на решение задач конкретного предприятия, компании используют высоко затратные проекты, дублирующие функции, выполняемые государством. На фоне стремления крупных компаний действовать в соответствии с национальными проектами в области социального обеспечения социальные инвестиции грозят превратиться в бездонную «черную дыру» для современного российского бизнеса» [23, с. 8].

И, последнее положение, на котором нам хотелось бы остановиться более подробно, – это продолжающаяся дискуссия об объективной взаимосвязи и взаимозависимости социальных и экономических функций бизнеса. Согласно традиционной парадигме (М. Фридман), главная цель бизнеса – служить интересам акционеров и максимизировать прибыль. Фундаментальная цель компаний остается неизменной, несмотря на появление новых социальных концепций и технологий, о которых мы говорили выше (концепция корпоративной социальной ответственности, и смежные понятия – устойчивое развитие, социальное инвестирование, корпоративная социальная политика).

По-нашему мнению, данные концепции так и останутся внешне навязанными нормами, что не позволит использовать их эффективно, пока не произойдет коренное переосмысление бизнес-деятельности современных компаний, а вместе с ней и переосмысление методологии, на основе которой должны строиться современные экономические (социально-экономические) исследования.

Разделяя и развивая выводы С. Симпсон и С. Туркина, выскажем собственную точку зрения по вышеобозначенной проблеме. Итак, основная бизнес-деятельность современных компаний связана со следующими процессами [24]:

1. *Развитие и улучшение продуктов/услуг, освоение новых рынков сбыта.* Однако необходимо четко понимать, что любые товары сегодня – информация, знания, продукция, услуги – есть синтез и результат применения производственных и социальных технологий. Современная трудовая (в частности, научная) деятельность, производство знаний представляются, прежде всего, коллективными и невозможны без этической составляющей совместной деятельности, без создания уважительной и доверительной атмосферы в отношениях между людьми, без проявления самых лучших человеческих качеств. Знания по своей сущностной характеристике связаны с личностью человека, так как преломляются в его сознании, умственной творческой деятельности. Выдающийся американский ученый Ф. Махлуп отмечал, что производство знаний не заканчивается, пока они не стали достоянием других людей.

2. *Работа с поставщиками и повышение ценности каналов поставок.* Сегодня признанной во всем мире становится концепция создания ценности. Несмотря на то, что она относится к традиционной рыночной концепции, между тем она значительно влияет на изменение технологий работы в цепи поставок. Вовлечение партнеров в создание общей ценности и добавленной стоимости (ориентация на создание добавленной стоимости предполагает поддержку той деятельности, которая увеличивает ценность, в противовес тем действиям, которые увеличивают доход или уменьшают издержки) невозможно без использования развитых каналов

коммуникаций, партнерских сетей, без определенной культуры партнерских отношений, выработки общей политики «разумного» потребления и управления совместными процессами.

Концепция создания общих ценностей значительно отличается от концепции КСО, так как в рамках данного подхода основные усилия компании направлены не на обеспечение соответствия определенному набору стандартных критериев, а на формирование определения социальной среды деловых отношений и операций. Например, новые инициативы Nestle связаны с ее бизнес-стратегией – принцип здорового питания и здорового образа жизни, использование водных ресурсов и развитие сельских территорий [25]. Большинству специалистов известен опыт компании Nestle в работе с поставщиками в Индии, Латинской Америке, Африке (Кении).

3. *Набор, удержание и мотивация персонала, вовлеченность его и привлечение работников к управлению; повышение лояльности персонала к компании.* Социальная функция современных трудовых отношений между работниками и работодателями показывает зависимость, заключающуюся в том, что сама занятость ориентирована не столько на достижение экономических, политических задач, но и на развитие человека как высшей ценности. То есть если сотрудник стремится к развитию и самореализации и в организации есть для этого соответствующая среда, атмосфера, то он и более активно принимает участие в принятии решений, оказывает влияние на выход из тех или иных проблем, задач.

И. Гришин и многие другие исследователи отмечают возрастание значимости социальной среды в жизни человека, организации, национальной экономики [26], признание концепции качества жизни и ее составляющей – качества трудовой жизни. В настоящее время, как никогда, становятся актуальными не столько общеполитические вопросы о месте и положении человека в мире, обществе, сколько его места в повседневной жизни, в которой трудовая деятельность (работа) занимает отнюдь не последние позиции, и развитие на этой основе экономико-социологической концепции баланса жизни и труда [27].

4. *Инновации и обучение, создание различных партнерств* (партнерские сети, корпоративные коммуникации и т.п.). Вот что по этому поводу пишет Джон Пурдехнад из Пенсильванского университета: «До появления вездесущего Интернета большинство компаний полагалось на систему собственных внутренних инноваций. При этом идеи новых продуктов рождались и воплощались в специальных подразделениях по исследованиям и разработкам (R&D, Research and Development – типа конструкторских бюро). Однако по мере превращения сети Интернет в средство быстрого обмена информацией многие компании обнаружили, что гораздо больше компетентных экспертов находятся вне их стен. Например, количество патентов, полученных отдельными изобретателями и мелкими фирмами, увеличилось с 1970 по 1992 г. от 5 до 20 %. Поэтому неудивительно, что многие корпорации обратились к системе открытых инноваций, в которой собственные подразделения исследований и разработок стараются найти и использовать знания из внешних источников» [28, с. 22]. Ориентация бизнеса на «открытые инновации» и социальные сети также сделало актуальным развитие социальных технологий, выполнение бизнесом социальных функций (развитие среды обитания, повышение общекультурного уровня всех участников, морально-этической стороны инновационных процессов, реализацию корпоративной социальной политики).

Исследуя парадокс социальной эволюции, Е. Балацкий резюмирует: «...капиталистическая система, базирующаяся на эгоистической концепции эволюции, порождает рыночные искажения в социальной системе, которые со временем становятся все больше. В настоящее время указанные искажения достигли такого масштаба, что угрожают существованию самой социальной системы. <...> Выход из создавшегося положения видится в изменении ментальности людей (добавим, в изменении бизнесом взглядов на собственные роли и функции – прим. автора), замене старой дарвиновской доктрины эволюции, ставящей во главу угла феномен конкуренции, холистической доктриной (целое важнее части), делающей акцент на процессах сотрудничества и кооперации» [29, с. 146].

Таким образом, экономическая наука и вместе с ней традиционные методологические подходы, устоявшиеся социальные концепции и технологии должны претерпеть изменения и стать адекватными новым экономическим, социальным, политическим обстоятельствам и исследовать формирование человека (поведение) для жизни и работы в новой глобальной среде.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Корпоративная социальная политика: модельное представление, оценка эффективности), проект № 13–32–01004.
2. Заславская Т. Социэкономика как актуальное основание междисциплинарной интеграции (О книге М.А. Шабановой «Социэкономика») // Вопросы экономики. 2013. № 5. С. 155–150.
3. Иванченко В. К новым социальным императивам России // Там же. 2008. № 2. С. 113–121.

4. Канаева О.А. Социальная политика компании: исходные посылки анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 5. Вып. 4. С. 41–52.
5. Нехода Е.В., Старикова Т.А. Социализация труда: миф или реальность // VII Международная конференция *Dynamika Naukowych Badan*. 2011. 7–15 lipka 2011 roku (7–15 июля, Польша). *Dynamika Naukowych Badan*. Vol. 1. *Ekonomiczne nauki. Pizemysi Nauka I studia*. 2011. С. 77–81.
6. Плетников Ю.К. Социализация капитала: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 22–31.
7. Сидорович А. О взаимосвязи экономической теории и стратегии государства // Экономист. 2008. № 11. С. 38–43.
8. Вдовиченко Л.Н. Социальная справедливость и демократизация // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 142–146.
9. Петров В.М. Человеческие потенциалы и их распределение: проблема измерений // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / под ред. И.Т. Фролова. М., 1998. С. 125–140.
10. Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение: информационный гуманитарный портал. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/prospects/articles/2007/Yudin/3> (дата обращения: 31.08.2013).
11. Бобров Д.В. Социально-экономические характеристики категории «человеческий потенциал» и их использование в практике корпоративной социальной политики // Науковедение: интернет-журнал. 2013. № 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/47evn213.pdf> (дата обращения: 31.08.2013).
12. Балацкий Е.В. Закономерности и парадоксы социальной эволюции // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 138–150.
13. Там же.
14. Грановеттер М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // Экономическая социология: электронный журнал. 2011. Т. 12. № 2. С. 49–79.
15. Корниордос С. Проблемы экономической социологии (обзор новых идей) // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 51–55.
16. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1. С. 76–89.
17. Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Т. 3. № 3. С. 21–34.
18. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58.
19. Грановеттер М. Экономические институты ... С. 80.
20. Канаева О.А. Указ. соч. С. 49.
21. Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 36–48.
22. Канаева О.А. Указ. соч. С. 50.
23. Гонтмахер Е. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // Международная экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 3–11.
24. Симпсон С., Туркин С. Социальные измерения в бизнесе. М., 2001. 96 с.
25. Создавая общие ценности. Социальный отчет компании «Нестле Россия» 2011. М., 2011. 58 с.
26. Гришин И. Человеческое развитие: количественное измерение и процессы в мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 102–114.
27. Рождественская Е.Ю. Концепция баланса жизни и труда: уроки Европейской социальной политики и Российские перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 4. С. 439–454.
28. Пурдехнад Д. Открытые инновации и социальные сети // Проблемы управления в социальных системах. 2012. Вып. 7. Т. 4. С. 22–27.
29. Балацкий Е.В. Закономерности и парадоксы социальной эволюции // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 138–150.